

Чжоу Цзыфэй не отрывал взгляда от спящего мужчины, бережно отводя со лба влажные от пота пряди.

Шэнь Цзя уютно свернулся в кольце его рук, наполовину укрытый одеялом. Лицо его осунулось от усталости, в покрасневших уголках глаз еще поблескивали невысохшие слезы, а от горячих, тесных объятий на бледных щеках проступил нежный румянец.

Глядя на него, Цзыфэй не сдержал тихой усмешки и легко провел костяшкой пальца по мягкой щеке.

— Невыносимый...

И как только в нем помещалось столько жадности? Ему было мало одного раза — он просил снова и снова, задыхаясь, цепляясь, требуя продолжения.

Слыша эти отчаянные всхлипы и мольбы, Чжоу Цзыфэй в конце концов перестал сдерживаться. Перехватив тонкие запястья Шэнь Цзя, он навалился сверху всей тяжестью, словно обрушившаяся гора, почти вдавливая податливое тело в матрас.

Цзыфэй не выпускал его из объятий весь день: с полудня и до глубокой ночи, отдавая всего себя без остатка, пока Шэнь Цзя не сомкнул веки и не провалился в глубокий сон от полного изнеможения.

Даже сейчас, во сне, он то и дело вздрагивал.

Все-таки Цзыфэй перегнул палку.

Когда он заботливо обтирал Шэнь Цзя, то заметил багровые следы и ссадины на чувствительной коже. С замирающим сердцем он осторожно нанес мазь, но в душе все равно не мог заглушить запретное чувство сытого, безграничного удовлетворения.

Прижимая к себе обмякшее, теплое тело и любуясь трогательным профилем спящего, Цзыфэй, несмотря на поздний час, не чувствовал ни капли усталости.

За окном монотонно шумел ночной дождь, и мысли Чжоу Цзыфэя вновь вернулись к недавнему разговору.

С Шэнь Цзя творилось что-то неладное. Вся эта лихорадочная пылкость, с которой он набросился на него после встречи с Лу Хэ, была неестественной, пугающей.

На сердце Цзыфэя снова легла тяжесть.

Вспомнив сбивчивые слова, сказанные Шэнь Цзя перед постелью, и ту панику, с которой он во время недавнего жара рвался домой, Цзыфэй начал смутно догадываться об истинной причине.

— Ты не веришь мне? Или самому себе?..

— Ты ведь у меня такой замечательный... Почему же ты вечно считаешь, будто ничего не заслуживаешь?

Цзыфэй тихо шептал эти вопросы, глядя в безмятежное спящее лицо.

Шэнь Цзя спал слишком крепко; его ровное дыхание согревало шею Цзыфэя, и он не мог видеть, какой бездонной нежностью светились сейчас глаза его возлюбленного.

В темной спальне горел лишь крошечный ночник у изголовья, очерчивая мягким теплым светом две переплетенные фигуры. Но страсть и обожание, с которыми Цзыфэй вглядывался в черты Шэнь Цзя, казались куда ярче любого пламени.

Спустя долгое время рука протянулась к выключателю, и лампа погасла. Одеяло тихо шуршало, пока дыхание двоих не слилось в единый размеренный ритм.

Слишком ярко.

Слишком печет.

Шэнь Цзя нахмурился и с трудом разлепил веки.

Солнце уже поднялось высоко; золотой луч пробился сквозь неплотно задернутые вчера шторы и упал прямо на лицо.

— Проснулся?

Сзади прижалось горячее, полное сил тело, и хриплый со сна голос прозвучал прямо над ухом.

Уши Шэнь Цзя мгновенно запылали. Он шевельнулся, пытаясь высвободиться из хватки, но ноющая боль в пояснице и бедрах заставила его тихо зашипеть.

— Что такое? Все болит?

Цзыфэй тут же сел. Растрепанные волосы торчали во все стороны, на подбородке пробились темная щетина — он явно тоже только что открыл глаза, но сонливость с него как ветром сдуло.

— Ты... почему ты не оделся?!

Взгляд Шэнь Цзя уперся в обнаженный торс Цзыфэя — рельефные мышцы груди и пресса оказались прямо перед глазами. Он в панике натянул одеяло до самого носа.

Цзыфэй перехватил его руку и наклонился ближе:

— Застеснялся? Малыш, вчера ты сам с меня всю одежду содрал... — Он насмешливо улынулся и с нескрываемым лукавством прижал ладонь Шэнь Цзя к своей груди.

...

— Ладно, пора вставать. Тебе сегодня нужно плотно поесть.

Поправив на Шэнь Цзя пижаму, Цзыфэй легонько шлепнул его по пояснице, намекая, что пора подниматься.

Шэнь Цзя что-то невнятно промычал, протянул руки к уже стоявшему на полу Цзыфэю

и, смущенно сверкнув глазами, капризно прошептал:

— Обними еще разок... и встану.

Цзыфэй приготовил целый пир: накануне они пропустили ужин, а после бурной ночи живот Шэнь Цзя совсем ввалился. Цзыфэй так кольнуло жалостью, что захотелось врезать самому себе за вчерашнюю неводержанность.

— Наелся? — с тревогой спросил он, заметив, что Шэнь Цзя съел всего пару димсамов с креветками и отложил палочки.

В последнее время у Шэнь Цзя совсем пропал аппетит. Он и раньше ел мало, а теперь буквально таял на глазах. Сам он отмахивался, но Цзыфэй не находил себе места от беспокойства.

— Съешь еще хоть немного. Давай я покормлю, буквально пару ложек.

Цзыфэй придвинул стул вплотную. Одной рукой он поднес ложку, а другую заботливо подставил под подбородок Шэнь Цзя, боясь капнуть кашей с постной свининой на свежую домашнюю одежду.

Шэнь Цзя поджал губы, но все же через силу открыл рот и проглотил предложенное.

Увидев это, Цзыфэй довольно улыбнулся и зачерпнул еще, собираясь уговорить его на вторую порцию.

Но в следующую секунду Шэнь Цзя вдруг зажал рот ладонью и судорожно сглотнул, подавляя подступивший к горлу рвотный позыв.

— Что с тобой?! Тошнит? Давай сюда, мне в руки!..

Цзыфэй в панике подставил ладони. Лицо Шэнь Цзя на глазах покрылось мертвенной бледностью. Он долго сидел не шевелясь, прижимая руку ко рту, и лишь когда спазм отпустил, медленно опустил ее.

— Малыш, да что с тобой такое? Где болит? Скажи мне, пожалуйста...

Вся радость и нежность от вчерашней ночи испарились без следа. Сердце Цзыфэя стиснул липкий страх; за считанные секунды он сам посерел с лица, а на лбу выступила холодная испарина.

Он далеко не всегда умел сохранять хладнокровие, когда дело касалось Шэнь Цзя. Особенно если речь шла о его здоровье.

С того страшного дня Цзыфэй поклялся себе, что больше никогда не увидит это безжизненное, погруженное под воду лицо.

Но в последнее время Шэнь Цзя таял на глазах: угасающий аппетит, бессонные ночи, болезненная худоба — все это сводило Цзыфэя с ума.

Он рассчитывал выждать подходящий момент для откровенного разговора, но Шэнь Цзя упорно не желал открывать душу.

— Все в порядке... Просто кусок в горло не лезет, — слабо проговорил Шэнь Цзя.

Он попытался улыбнуться, но эта улыбка лишь подчеркнула его болезненное истощение.

Цзыфэй крепко сжал его ледяные пальцы, глядя в эти вымученно прищуренные глаза. Протест «Ты врешь!» уже готов был сорваться с языка, но он сдержался.

— Выпей теплой воды.

Он помог Шэнь Цзя перебраться на диван, заботливо укутал его пледом и протянул кружку с горячей водой.

Постепенно краска вернулась на щеки Шэнь Цзя, хотя губы все еще оставались бледными. Цзыфэй опустился рядом и крепко прижал его к себе.

Ощущая сильные, надежные руки, Шэнь Цзя прикрыл глаза, жадно впитывая дарованное

ими чувство безопасности, но дурное предчувствие в груди разрасталось все сильнее.

И не напрасно.

— Учитель Шэнь, а теперь ты расскажешь мне, что происходит?

Цзыфэй обхватил тонкое запястье Шэнь Цзя — такое хрупкое, что пальцы смыкались вокруг него с запасом, а выступающая косточка холодно упиралась в ладонь.

Поцелуи, объятия, близость... Вся эта бесконечная забота и ласка выстроились вокруг непреодолимой стеной. Шэнь Цзя понимал: увильнуть от ответа больше не выйдет.

И все же он оттягивал момент, желая продлить эти объятия еще хотя бы на несколько секунд.

Цзыфэй терпеливо ждал, неторопливо перебирая мягкие волосы на его затылке.

— Малыш, чего ты так боишься? Я ведь рядом, никуда не уйду. Неужели ты даже мне не можешь довериться?

Они не могли вечно прятаться в объятиях, делая вид, будто проблем не существует.

Шэнь Цзя увядал, как осенний лист, прямо на глазах, и это пугающее угасание не давало Цзыфэю покоя.

Слегка сжав взмокшую шею возлюбленного, Цзыфэй осторожно приподнял его заострившийся подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза:

— Дело в том разговоре с твоей матерью? Или ты что-то увидел в больнице, когда лежал с жаром?

Он бил прямо в цель.

Шэнь Цзя вздрогнул. Отведя взгляд, он осторожно уперся ладонями в теплую грудь Цзыфэя и медленно высвободился из объятий, оставшись один на один с прохладным воздухом комнаты.

Слово «мать» вспороло старые шрамы.

Прошлое ожило с пугающей четкостью. Оно безжалостно напоминало: он — выброшенный обломок разрушенной семьи, бракованный продукт чужого предательства, человек, с ног до головы покрытый рубцами.

Эта мысль заставила его инстинктивно отшатнуться от Цзыфэя. Любое прикосновение теперь обжигало, словно раскаленное железо.

Появление Лу Хэ обрушилось на него цунами, вмиг сметая хрупкий мирок, который он так долго и бережно строил. А когда вода отступила, со дна вновь оскалились уродливые обломки пережитого насилия и предательства.

Сколько он себя помнил, в любой ситуации выбора он всегда оказывался тем, кем без колебаний жертвовали.

Его боль ничего не значила рядом с другим ребенком Лу Хэ.

Его преданность обесценилась перед жадной новизны Юй Сянхана.

Шэнь Цзя попросту не мог поверить, что ему суждено быть счастливым. Все эти дни рядом с Цзыфэем он жил в мучительном ожидании неминуемого — момента, когда его снова бросят.

Любить Цзыфэя было слишком сладко.

Впервые в жизни он испытал в постели такое блаженство, словно парил среди облаков. Впервые мог позволить себе капризничать и ластиться. Впервые почувствовал себя новорожденным котенком, которого бережно балуют и носят на

руках.

Но ведь всему этому придет конец.

Встреча с Лу Хэ, правда о Чэнь Лэкане — все это стало ключом, отомкнувшим потайную дверь его застарелого ужаса.

Теперь и Цзыфэй все заметил. Значит, пора перестать сопротивляться и принять неизбежный финал?

— Цзыфэй... ты никогда не думал о том, что без меня твоя жизнь была бы куда проще? — произнес Шэнь Цзя, глядя не на него, а в пустую белую стену напротив.

Словно ожидая этой бури, Цзыфэй упрямо сжал его ладонь:

— С чего ты это взял? Я никогда не считал тебя обузой.

— Но посмотри сам: прямо сейчас тебе приходится бесконечно успокаивать меня, объяснять вещи, которые вообще не требуют объяснений. А я продолжаю сомневаться, веду себя как жалкий слабак, боюсь поверить, боюсь спросить прямо и только извожу тебя проверками...

Шэнь Цзя говорил сухим, отстраненным тоном, будто препарировал чужую жизнь:

— Ты мог бы найти кого-то проще и сильнее. Кого-то, ради кого не придется постоянно ходить на цыпочках, подстраиваясь под чужие нелепые и запутанные капризы. Зачем тебе такие изнурительные отношения?

— Малыш, мне никто больше не нужен. Я всегда хотел только тебя...

— А что потом?!

Шэнь Цзя резко повернулся, его голос сорвался на пронзительный фальцет. Тонкие брови сошлись к переносице, выдавая глухое, лихорадочное раздражение:

— Ты... ты появился так внезапно! Твои чувства вспыхнули на ровном месте!

Сколько они продлятся? Если дальше все пойдет под откос, разве мы рано или поздно все равно не расстанемся?!

Едва договорив, он тут же отвернулся.

Он походил на загнанного в угол кота, который после отчаянного выпада сам устыдился собственной уязвимости.

Шэнь Цзя сидел к нему спиной, глухо замкнувшись в себе, словно возвел вокруг непробиваемую стену. В этой тишине смешались и раскаяние за сказанное, и черное отчаяние человека, решившего пойти ва-банк.

Цзыфэй стиснул пальцы. Его словно вытолкнули на край пропасти. Эти слова — «рано или поздно все равно расстанемся» — выбили почву из-под ног, заставив балансировать над бездной.

Шэнь Цзя ему не верил.

С самого начала ни на грош не верил в его любовь.

Оказывается, за всеми этими объятиями и нежностью Шэнь Цзя уже давно срежиссировал трагический финал.

...

Но Цзыфэй не собирался отступать.

Он ни за что не позволит их дорогам разойтись.

— Я знаю, что ты сомневаешься во мне, не веришь... Ничего страшного. Я докажу, — мягко произнес Цзыфэй, беря всю вину на себя, словно успокаивал испуганного ребенка. — Это моя вина. Я не смог дать тебе чувства безопасности, я старался недостаточно хорошо.

Он пододвинулся ближе, пытаясь коснуться его плеча:

— Моя любовь не возникла из ниоткуда. Я полюбил тебя с первого взгляда и с той самой секунды знал, что хочу быть только с тобой. До самого конца.

Опять.

Опять эти извинения, опять признания.

Каждое слово Цзыфэя лишь сильнее доказывало Шэнь Цзя, каким источником вечных проблем и разочарований он является.

В полном смятении Шэнь Цзя вскочил на ноги. Слова душили его изнутри, но застряли комом в горле.

Глядя на Цзыфэя, он хотел только одного: бежать. Бежать без оглядки, как можно дальше.

Но Цзыфэй не позволил ему уйти.

— Учитель Шэнь, не молчи. Если между нами возникла проблема, ее нужно решать сразу, — Цзыфэй удержал его за руку, и голос его по-прежнему звучал пугающе терпеливо. — Я не хочу, чтобы ты изводил себя по мелочам. И не хочу, чтобы из-за простых недопониманий ты закрывался от меня и отдалялся.

Шэнь Цзя замер. Чужая хватка ощущалась нежными, но невыносимыми оковами.

"Но я уже чувствую, как мы отдаляемся друг от друга, — с мучительной тоской подумал он. — И это неизбежно".

Тепло ладони Цзыфэя сквозь кожу проникало в самую душу. Разум и чувства словно ухватились за противоположные концы каната, разрывая его на части.

— Малыш...

Этот глубокий голос, который еще прошлой ночью без усталости шептал ласковые слова над самым ухом, был полон той же неизбывной, топящей нежности.

Но Шэнь Цзя больше не мог этого выносить.

— Хватит звать меня малышом! Почему ты вечно лезешь в мою жизнь?!

Натянутая до предела струна с громким щелчком лопнула — и хриплый крик вырвался наружу.

В комнате повисла оглушительная, мертвая тишина, нарушаемая лишь его собственным судорожным дыханием.

«Почему ты вечно лезешь в мою жизнь?!»

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их осмыслить, и раскаяние настигло его мгновенно.

Мир вокруг превратился в гулкий вакуум. Ледяное онемение прошло позвоночник от копчика до затылка; тело сковало холодом так, что он не мог пошевелить даже пальцем, а сердце в груди заколотилось как безумное.

Цзыфэй застыл на месте. Рука, тянувшаяся к нему, повисла в воздухе, а на лице на миг проступило выражение полной, ошеломленной пустоты.

Этот взгляд полоснул Шэнь Цзя по живому. В глазах напротив он словно увидел отражение собственного уродства и злобы.

Сгорая от стыда, он отвернулся, чувствуя, что больше не имеет права смотреть на Цзыфэя.

Он ранил единственного человека, который любил и защищал его. Ранил сознательно, срежиссировав эту боль своими руками.

— Уходи.

— Прости... Просто уходи. Я не хочу сейчас разговаривать.

Шэнь Цзя глубоко вдохнул и подошел к входной двери. Положив руку на ручку, он заставил себя не оборачиваться.

Голос его охрип, но звучал пугающе ровно — с той леденящей пустотой, которая наступает после полного краха. Никаких слез, никаких истерик — словно эти слова были самым взвешенным его решением.

Уходи.

Просто уходи.

Цзыфэй не двигался. В ушах звенело; он внезапно перестал понимать значение простейших фраз, словно его способность мыслить разбилась вдребезги о первое же слово Шэнь Цзя.

Воздух в прихожей сгустился, дышать стало нечем.

Шэнь Цзя стоял вполоборота, прикрывая телом руку на замке — побелевшую, без единой капли крови, мелко и неудержимо дрожащую.

Сдерживая подступающие рыдания, он стиснул зубы до железного привкуса на языке, нажал на ручку и распахнул дверь настежь:

— Чжоу Цзыфэй, уходи.

Он вернулся к чужому, официальному имени. Этот холодный выпад полоснул по живому, наконец выдернув Цзыфэя из оцепенения.

Послышались шаги. Знакомый тонкий аромат парфюма коснулся лица Шэнь Цзя.

— Учитель Шэнь... ты хочешь со мной расстаться?

Впервые в жизни Цзыфэй выглядел настолько потерянным и беспомощным. Голос его опустился до едва слышного шепота.

Шэнь Цзя судорожно вцепился в дверную ручку и промолчал.

— Малыш, ты правда бросаешь меня?

Цзыфэй с отчаянным упрямством вновь назвал его «малышом» и попытался перехватить опущенную руку Шэнь Цзя, но когда их пальцы соприкоснулись, обе ладони оказались одинаково ледяными.

Шэнь Цзя резко отшатнулся и шагнул обратно вглубь коридора, пряча искаженное судорогой лицо.

Слышать эти мольбы было невыносимо.

Он превратился в немого, не способного выдать ни звука, и в глухого, наглухо закрывшегося от чужих слов.

— Давай не будем расставаться, а?

— Я уйду. Я больше ни о чем не спрошу, только не расставайся со мной...
пожалуйста.

Их отношения напоминали вагонетку на американских горках: взлетев на самую вершину счастья, в следующее мгновение они с грохотом сорвались в пике. Но страшнее всего было то, что рельсы впереди разошлись, и взлететь обратно шансов уже не оставалось.

В голосе Цзыфэя, изо всех сил пытавшегося казаться спокойным, отчетливо слышались слезы, а на последней мольбе он и вовсе сорвался на надтреснутый хрип.

Шэнь Цзя продолжал молчать, выставив перед ним лишь худую, напряженную спину.

И когда Цзыфэй уже решил, что окончательно все разрушил и разрыв неизбежен, когда он уже готов был силой развернуть Шэнь Цзя к себе, тот наконец разомкнул губы:

— Потом поговорим... Нам обоим нужно... остыть.

Это не было окончательным разрывом, но холодная обреченность в его интонациях сквозила во всем.

Шэнь Цзя думал: Цзыфэй поймет. Он ведь так тонко чувствует людей, он обязательно все поймет.

И Цзыфэй действительно замолчал. Лишь спустя долгую, мучительную паузу он глухо ответил:

— Хорошо... Тогда я пойду.

Шэнь Цзя сам не понимал, что шевельнулось в его душе в этот миг — облегчение или черная пустота. Но в следующее мгновение голос Цзыфэя зазвучал снова:

— Учитель Шэнь, ночью не забудь постелить теплое одеяло. Под утро ты всегда мерзнешь, не простудись.

— В холодильнике есть готовая еда. Разогрей на ужин, не ленись.

Тон Цзыфэя внезапно стал таким же привычным и мягким, будто он уходил ненадолго и собирался вернуться уже завтра утром.

— Перестань... замолчи...

Шэнь Цзя чувствовал, как от этих простых заботливых слов его внутренняя крепость с грохотом осыпается в прах. Цзыфэй еще не переступил порог, а в носу уже предательски защипало.

— Завтра я приду к тебе, и тогда мы спокойно—

Договорить он не успел.

— Не смей приходить!

— Ни завтра, ни послезавтра! Пока я сам не скажу — чтобы ноги твоей здесь не было!

Шэнь Цзя оборвал его истеричным, колючим окриком.

Одна только мысль о том, что Цзыфэй придет завтра, повергала его в панический ужас.

Придет завтра... а послезавтра?

А через три дня?

Будет ли он приходить всегда?

Его мысли, подстегнутые этим обещанием, неслись в бесконечное будущее. Появись у него надежда — и дни обратятся в ожидание, но вместе с ним вернется и сводящий с ума страх разочарования. Страх того дня, когда Цзыфэй просто не откроет эту дверь.

Если ему суждено жить в вечном кошмаре, лучше пусть Цзыфэй не приходит вовсе.

Лучше сразу вернуться в привычное, глухое одиночество.

Цзыфэй замолчал. Спустя бесконечно долгие секунды он тихо, сипло проронил:

— Если что-то случится... звони в любое время.

— Уходи уже! Я не хочу тебя слушать!..

Шэнь Цзя быстрым, дерганным шагом бросился в гостиную, словно больше не мог

выносить присутствия любимого человека ни единой секунды.

Цзыфэй заботился о нем, но чем сильнее была эта любовь, тем больший ужас она вселяла.

Шэнь Цзя панически боялся взглянуть ему в лицо — боялся заметить, как в этих нежных глазах мелькнет хотя бы тень разочарования или презрения.

К счастью, входная дверь вскоре тихо закрылась.

Квартира погрузилась в безмолвие. Шэнь Цзя замер посреди комнаты. Простояв без движения целую вечность, он с трудом, словно преодолевая сопротивление заржавевших шарниров, повернул голову к прихожей.

Цзыфэй действительно ушел.

Глаза мгновенно застлала пелена, размывая очертания стен.

Это его вина. Он снова все разрушил.

Ноги подкосились, и Шэнь Цзя мешком осел на пол. Всепоглощающее, тяжелое бессилие навалилось на плечи. Он уронил голову, и крупные слезы одна за другой забарабанили по ковру, оставляя темные влажные пятна.

Это он виноват.

Он просто не умеет любить и выстраивать близость. Поэтому Юй Сянхан предал его. Поэтому они поссорились с Цзыфэем.

— Хн-н...

Он снова свернулся клубочком на холодном полу, судорожно обхватив себя руками за плечи. Сдавленные всхлипы крепи, пока не переросли в безудержный, надрывный плач.

Влажные растрепанные волосы липли к щекам, тонкие брови мелко подрагивали, а все лицо сводило болезненной судорогой. В глазах, которые еще несколько часов назад светились нежностью и тихим счастьем, теперь стояли лишь нескончаемые горькие слезы.

Шэнь Цзя сходил с ума от осознания: все повторилось. Они разругались, они разойдутся, и его жизнь снова превратилась в пепелище.

Неужели он сам — единственный виновник всех бед? С того дня, как Лу Хэ бросила его одного, и до измены Юй Сянхана... Все потому, что он ненормальный, дефектный, недостойный любви, потому и теряет каждого, за кого пытается уцепиться.

А теперь и такой замечательный... такой невероятный Чжоу Цзыфэй в конце концов уйдет из его жизни.

...

Его бросят абсолютно все. Он не заслуживает любви.

И во всем виноват только он сам.

<http://bllate.org/book/19971/1985995>